

Аўтар шырока выкарыстоўвае і стылістычныя фігуры: рытарычныя пытанні: «Ці трэба сумнявацца ў годнасці тваіх паводзін?» («Зварот да маці маладой»), рытарычныя заклікі-паўторы: «huc huc Cupido», «huc huc Juno ades» («Сюды, Купідон», «Прыйдзі сюды, Юнона»). Пры гэтым, як правіла, дзеясловы ў такіх выклічніках стаяць у імператыве ў другой асобе множнага ліку ці ў кан'юнктыве ў другой асобе адзіночнага ліку.

Пажаданні да маладых можна размясціць па ступені ўжывання: пажаданне мець шматлікіх нашчадкаў – 5 вершаў, шчасця – 4 вершы, пажаданні дажыць да старасці – 4 вершы, пажаданне ўзаемнай згоды – 2 вершы, пажаданне кахання – 1 верш.

Паколькі задачай тагачаснага мастацтва і літаратуры было перайманне антычных узораў, то панегірычная літаратура, да якой належыць і эпіталама, стваралася па пэўных правілах, выпрацаваных як антычнымі рытарамі, так і працягвала трыдыцыі, характэрныя для старажытнагрэчаскай лірыкі, а таксама наследавала антычным узорам эпіталам (Сапфо, Катула, Стацыя і інш.). Мэта панегірычнай літаратуры – усхваляненне асобы (laudatio personae) як прыклада для пераймання (exemplum). Таму для дасягнення эфекта надзвычайнасці асобы выкарыстоўваюцца шматлікія эпітэты, метафары, ускосныя параўнанні, а ў сінтаксічным плане: рытарычныя фігуры, ампліфікацыі, бяззлучнікавыя сказы. Усё гэта ўзвышае тон выказвання, узмацняе яго экспрэсію, часам запавольваючы выкладанне. Выкарыстанне розных вершаваных памераў у вершах рознага прызначэння ўказвае на веданне і наследаванне традыцый антычнай лірыкі, на неардынарны талент паэта, а таксама стварае прыгожую разнастайную карціну вяселля са зменай настрояў.

Літаратура

1. Łacińska poezja w dawnej Polsce. Warszawa: Wyd-wo. Inst. Badań Lit., 1972. 245 s.
2. *Феокрыт, Мосх, Бион*. Идиллии и эпиграммы. М.: Наука, 1958. 325 с.
3. *Катулл Г.* Книга стихотворений. М.: Наука, 1986. 302 с.
4. Поздняя латинская поэзия. М.: Худож. лит., 1982. 570 с.
5. *Cichocka H. Lichański J.* Zarys Historii ryторыki. Warszawa: Wyd-wo Uniw. Warszawskiego, 1994. 325 s.
6. *Ostrowski I.* Epithalamion. Kraków: Officina Iac. Sibeneychera, 1597. 26 s.
7. Studio Philologica: Сб. науч. ст. Мн.: БГУ, 2002. Вып. 5. 202 с.

В. НАБОКОВ – ЭСТЕТ И МОРАЛИСТ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ»)

Е. С. Замостоцкая

Вопрос о нравственной стороне творчества Набокова оставался открытым в литературоведении, и причина неоднозначности трактовок

кроется не только в самой сложности набоковского дара, но и в размытости критериев, по которым выявляется нравственная ценность произведения. Мораль в искусстве – проблема сложная, заключенная в особую художественную форму. Эстетика как область прекрасного обнаруживается в первую очередь в форме. И эстетика и мораль имеют способы выражения разные по своей структуре, но затрагивают общую проблему глубины человека, его духовности и самоактуализации. Мораль Набокова создается формами эстетического, самой эстетикой. Эстетство – это один из способов воплощения тех идей, с помощью которых Набоков объясняет мир.

В рассказе «Истребление тиранов» четко прослеживается авторская позиция по отношению к категориям эстетики и морали. В центре повествования – типичный набоковский персонаж (авторская маска самого Набокова), вступающий в метафизический конфликт со своим идеологическим противником. В рассказе разворачивается психологический поединок Автора с Тираном, а поле «битвы» – сознание повествователя. При всей своей аполитичности Набоков болезненно относился к ситуации на покинутой им родине. Выросший в дореволюционной России и впитавший в себя ценности мировой культуры и многовековой духовной традиции, он не мог принять послереволюционных изменений, террора и издевательства над личностью. В своем творчестве Набоков постоянно воскрешает Россию своего детства. Категорическое неприятие деспотизма, убожество новой России являются центральной проблемой рассказа. Сквозь художественную оппозицию Автор-Тиран просвечивает реальная позиция Набокова к личности Сталина. Интересен характер взаимоотношений героев. Повествователь – художник, учитель рисования в школе, что естественно характеризует его как человека с необычным мироощущением и особым восприятием. Тиран – воплощение зла, бездарность на троне, символ угнетения и убийства свободы. Однако при разнополярной расстановке сил решающее сражение происходит внутри повествователя. Психологический конфликт между я и не-я реализуется в художественной форме монолога. Автор высказывает себя и одновременно борется со злом, Тираном, потому что тот находится внутри Автора, он является осознанной реальностью, отражается сознанием и заражает психику. Автор говорит: «Среди всех и всего меня занимает одна только личность. Это мой недуг, мое наваждение, и вместе с тем нечто как бы мне принадлежащее, мне одному отданное на суд» [2, с. 386]. Вокруг Автора и Тирана образуются своеобразные миры

с разными векторами внутреннего развития. Эти миры можно сравнить по нескольким существенным для раскрытия концепции рассказа категориям. В сфере устройства, материального выражения авторский мир – государство, мир Тирана – огород. «Из дико цветущего моего государства он сделал обширный огород, в котором особой заботой окружены репа, капуста да свекла; посемену все страсти страны свелись к страсти овощной, земляной, толстой» [2, с. 387]. В иронической форме Набоков противопоставляет цивилизованное прошлое колхозному настоящему, сложное устройство – возврату к незамысловатым формам жизни.

На уровне утверждаемых позиций Автор несомненно наделен чертами художника, Тиран же – палач. Результат их устремлений соответственно созидание и разрушение. Художник наделен даром создавать мир, палач, наоборот, убивает этот мир. Художник – воплощение свободы, прежде всего свободы сознания, тиран – несвобода, тюрьма разума. В мире художника господствует разнообразие, новизна, страна тирана пропитана унынием. Творческий ум стремится к постижению истины, Тиран «питает нас шелухой этой истины, и образ мышления, который требуется от нас, построен не просто на лжемудрости, а на обломках и обмолвках ее» [2, с. 387]. Антисвятости Тирана Набоков противопоставляет очарование человечности богов, сошедших на землю в лиловатых одеждах. И если человечность освещена духом, легкостью, скромностью и полетом, то стихия «божественного» тирана – «железобетонный престол». Царство жизни и света противопоставляется мертвому продукту эпохи.

Художественная «биография» тирана интересна настолько, насколько интересен взгляд Автора, его видение мира. Это биография деталей, узор событий, сцены из жизни. Связь тирана и Автора на метафизическом уровне началась в прошлом Автора: тиран был другом его брата, и эта почти родственная близость угнетала и пугала. Образ юного Тирана поражает своей схематичностью: «Я невольно выделяю его на этом смутном фоне, награждая ... той глухой, сосредоточенно угрюмой, глубоко себя сознающей волей, которая из бездарного человека лепит в конце концов торжествующее чудовище» [2, с. 384]. На протяжении всей жизни тирана преследует антиэстетичный антураж, который является предметом насмешек Набокова-Автора и превращается в гротескную реальность, тонкую художественную издевку. Исходная точка, из которой рождается личность, – это мера вкуса, принадлежащая

сфере эстетики. Хороший вкус формируется культурой и традицией, Тиран – отрицание традиции. По-видимому, Набоков напрямую связывает эстетику и мораль. Причина аморальности Тирана кроется в его неспособности понять мир красоты и жить в нем. В описании внешности уже содержатся черты, характеризующие его как страшного человека: «...каменно-тусклый взгляд его неумных и незлых, но чем-то нестерпимо жутких глаз, прочная мясистость отяжелевшего подбородка, бронза маслаков, и уже ставшая для всех карикатуристов мира привычной чертой, почти машинально производящей фокус сходства, толстая морщина через весь лоб, – жировое отложение мысли, а не шрам мысли, конечно» [2, с. 385]. Метафора «шрам мысли» означает трудный путь постижения истины, знания, соответственно Тиран – поверхность, заплывшая жиром. Отсутствие глубины, художественских озарений, ума превращают его в плакат, в огромный официальный портрет, покрытый «оливковым маслом народной любви» [3, с. 385]. В гротескной форме (история с репой) Набоков изображает абсурдность советской действительности, переориентацию ценностей и культурный сдвиг (на практике – убийство элитарной культуры, угнетение за счет пропаганды семантически опустошенных форм идеологизированной массовой культуры).

Время Автора и время Тирана протекает по-разному в силу разного отношения к прошлому. Время Автора (настоящее) остановилось, замкнулось в круг трагической привязанности. Время Тирана – это судьба народа, исторический регресс. Тирану отказано в бессмертии, потому что он «непомнящий». Категория памяти очень важна для Набокова. Память художника продлевает время жизни, дарует душе бессмертие. Тиран не обладает памятью (культурной прежде всего, и творческой), поэтому он обречен. Более того, он пытается переделать прошлое, обмануть его, перетасовать факты. Преодолеть замкнутость своего времени, зависимости Автор может только совершив убийство. Ирония судьбы заключается в том, что у героя уже была возможность в прошлом убить будущего диктатора из револьвера брата. «Несмотря на все трудности, связанные с попытками придать значение узорам прошлого, несмотря на собственные утверждения индетерминизма времени, Набоков усердно ищет доказательства существования некоей судьбы. Но не того несокрушимого рока, который повелевает всеми, а такой судьбы, которая делает один ход и, если он оказывается неудачным, придумывает другой» [1, с. 352]. Неспособный преодолеть судьбу, герой сравнивает

себя с игроком, которому не везет. Рефлексия, уже ставшая образом жизни, превращает его в Гамлета, мучимого нерешительностью. Механическое убийство само по себе неэстетично: «Я не мог бы его убить из гадливости, как иной человек, испытывающий лютое отвращение ко всему ползучему, не в состоянии раздавить червяка на борозде, от того что это было бы для него так, как если бы он каблуком давил пыльные концы своих собственных внутренностей» [2, с. 400]. Категория зла в рассказе пересекается с понятием неэстетичного, аморального. Зло овеществляется, принимает формы, связанные с телом, едой, животными. Телесная горизонталь Тирана противопоставляется духовной вертикали художника. В конце рассказа трагикомический пафос перерастает в иронию. Найденный способ убийства – смех. «Стараясь изобразить его страшным, я лишь сделал его смешным, – и казнил его именно этим – старым испытанным способом» [2, с. 404–405]. Собственно психологическая стратегия оказывается действенной и в плане художественной реальности. Идеал настоящего человека для Автора-писателя-повествователя – поэт, правитель же – воплощенное отрицание поэта. Слово, поэзия – сила, способная победить рабство. «Искренность и насыщенность чувств» – морально оправдание набоковской эстетики.

Литература

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
2. *Набоков В.* Собр. соч.: В 4 т. М.: «Правда», 1990. Т. 4.